Проф. Л. С. Берг

БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ И ВЗАИМНАЯ ПОМОЩЬ

ПЕТРОГРАД
1922.

...ены двухмесячные для подготовки ин...ов по посевной кам... С тою же целью ...ваны летучие курсы ...нов из четырех во...

...учтены подлежащие ... сельско-хозяйствва... ...удия; для их починки ... 13 ремонтных ма...

...хань. Идет усилен... ...монт сельско-хозяй...го инвентаря. Уже

...тула. В шести уездах уже выбраны селькомы по всем селениям. В большинстве случаев проходит трудовое и сознательное крестьянство.

Селькомами уже забронировано свыше 600 тыс. пуд. семян и 720 тысяч пудов картофеля.

В некоторых уездах семена ссыпаются в амбары. Пока ссыпано около 50 тысяч пуд.

Вятка. К ремонту инвентаря привлечены 45 городских и 49 сельских мастерских. Мобилизовано 80 человек рабочих-специалистов.

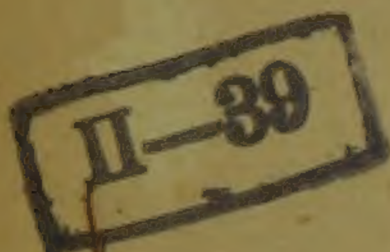
Ни одной незасеянной полосы!

...съезде председателей ...ых советов Хатунской ... Серпуховского уезда ...оду организации сель... была принята сле... ...я резолюция:

„Мы, представители сел... ...ревень Хатунской во... ...заслушав доклад об ...зации селькомов, при... ...т политику 8-го ...ъезда Советов по борьбе ...рухой. Мы считаем, что на экономическом фронте должны в первую очередь напрячь все свои силы крестьяне, так как они только могут дать хлеб для рабочих и сырье для промышленности. Мы призываем крестьян Хатунской волости сделать все возможное, чтобы не оставить в 1921 году ни одной незапаханной и незасеянной полосы земли".

Профессор Л. С. БЕРГ

БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ И ВЗАИМНАЯ ПОМОЩЬ

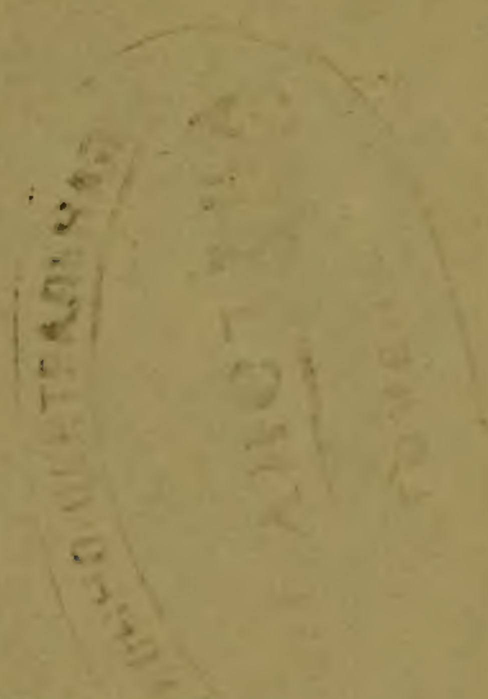

Издательство «ВРЕМЯ»
ПЕТЕРБУРГ
1922

Обложка и марка
работы С. В. Чехонина

Р. Ц. № 972. Тираж 5000 экз.

Военная Типография Штаба Р.-К. К. А. (пл. Урицкого, 10).

ПАМЯТИ

Карла Федоровича Кесслера

1815—1881

> Человеческому уму постоянно присущ недостаток, что на него больше действуют и влияют примеры подтверждающие, чем отрицающие; между тем как по настоящему и те и другие должны были бы иметь для него одинаковое значение, а при установлении каждой верной аксиомы отрицательные случаи имеют даже больше значения.
>
> Бэкон. Novum Organon, II.

Если бы поставленные в эпиграфе слова всегда служили руководством при научной (да и практической) работе, то мы имели бы гораздо меньшее число несостоятельных гипотез и взглядов. Правило Бэкона говорит, что всякое предположение нужно испытывать не только там, где оно оправдывается, но прежде всего и преимущественно там, где оно не оправдывается, хотя, по мнению автора, ему именно здесь и нужно бы оправдываться. Исследователь, в процессе своей работы, должен придерживаться метода, выработанного еще древними скептиками: каждому положению (тезису) о природе вещей противополагать положение противоположного содержания (антитезис). И только беспристрастное обсуждение тезиса и антитезиса может дать правильное решение вопроса*).

Но сплошь и рядом исследователь бывает так увлечен своей гипотезой, что не хочет ви-

*) Скептики, впрочем, утверждали, что и тезис и антитезис не обладают никакими преимуществами в смысле достоверности (Пиррон, Секст Эмпирик).

деть «антитезиса», и опровергать или поправлять его приходится другому.

Это и случилось, в значительной степени, с учением о борьбе за существование, всеобщая приложимость которого оспаривалась двумя русскими учеными К. Ф. Кесслером и П. А. Кропоткиным, выставившими противоположный принцип—взаимной помощи.

I

БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ

> Я питаю глубокое убеждение, что когда-нибудь, хотя бы в отдаленной будущности, а наступит время, когда все люди будут считать себя братьями и когда кровавые столкновения между народами и племенами заменятся мирными состязаниями между ними в областях промышленности и науки.
>
> К. Ф. Кесслер. 1880.

Борьба за существование есть факт действительности, и оспаривать ее реальность не приходится. Она проявляется в разных формах: то в мягких, как, например, когда растение в тундре, или в пустыне, или высоко в горах борется с невзгодами климата; то в жестоких и ужасных, как в том случае, когда птенец кукушки, на второй день по вылуплении, еще голый и слепой, выбрасывает из гнезда птенцов своих приемных родителей, чтобы затем безраздельно пользоваться гнездом и попечением хозяев.

Из принципа борьбы за существование Дарвин вывел следствие — переживание наиболее приспособленного. Согласно этому пониманию, борьба за существование является фактором прогресса. «Из свирепствующей среди природы войны, голода и смерти непосредственно вытекает самый высокий результат, какой ум себе

в состоянии представить—образование высших форм животной жизни»,—говорит Дарвин в самом конце своего «Происхождения видов».

Далее, частью сам Дарвин, а еще более его последователи стали распространять область применения борьбы за существование на все людские взаимотношения, начиная от столкновений между народами и кончая отношениями между родителями и детьми.

Во всем этом заключается коренное недоразумение. Как подробно выяснено в моей работе «Номогенез, или эволюция на основе закономерностей» *), борьба за существование вовсе не ведет к прогрессу форм; напротив того, она есть фактор консервативный, удерживающий форму на раз достигнутой ступени развития. Она сохраняет норму, отсекая все крайние уклонения. Борьба за существование одинаково препятствует как регрессу, так и прогрессу. Сама по себе она—фактор нейтральный, который, при участии человеческого разума, может быть использован в любом направлении: и в сторону прогресса, и в сторону регресса. Если бы можно было представить себе мир без борьбы за существование, то в таком мире организмы обладали бы теми же органами и вообще формами, что в нашем мире; изменилось бы только географическое распространение животных и растений: не было бы такого соответствия организмов ландшафту, какое мы замечаем сейчас.

Таким образом, борьба за существование вовсе не есть фактор эволюции. Однако, можно

---

*) См. также: Теории эволюции. П. 1922, изд. Academia.

было бы возразить нам: она, если не способствует прогрессу, то, во всяком случае, препятствует регрессу. Поэтому она, как фактор благодетельный, должна быть перенесена и на все области человеческих взаимоотношений.

К этому вопросу мы сейчас и переходим.

Последователи Дарвина воскресили старое мнение Гераклита: борьба отец всего, начало всего — мнение, несомненно в известной степени справедливое, но, как мы увидим, никоим образом не подлежащее распространению на всю сферу человеческих взаимоотношений. Тем не менее, односторонне воспринятая идея о спасительности борьбы, состязания, войны стала господствующей за последнее полустолетие. Она и привела мир к тому ужасному катаклизму, к тому неслыханному крушению, среди обломков которого мы барахтаемся ныне. «Каковы твои постоянные мысли, таков будет и склад твоего ума, потому что душа окрашивается мыслями», — сказал Марк Аврелий. Душа последних поколений была окрашена мыслью о спасительности борьбы. Укоренилось мнение, что bellum omnium contra omnes Гоббса или, говоря словами байроновского «Каина»:

«Борьба со всем, что дышет, смерть всему
И всем болезни, скорби и мученье» *),

есть стихийное и нормальное состояние органического мира. Гексли (Huxley) в своей статье «Борьба за существование и ее значение для человека» (1888) говорит следующее: «С точки зрения моралиста, животный мир находится на

*) Перевод Бунина.

том же уровне, что борьба гладиаторов. Животных хорошо кормят и выпускают их на борьбу. В результате лишь наиболее сильные, наиболее ловкие и наиболее хитрые выживают—для того только, чтобы на следующий день опять вступить в борьбу. Зрителю нет нужды даже, повернув палец книзу, требовать, чтобы слабые были убиты: здесь и без того никому не бывает пощады». У первобытных людей Гоббсова война всех против всех, по мнению Гексли, была, «за пределами ограниченных временных семейных отношений, нормальным состоянием их существования».

Один из наших лучших знатоков психологии животных проф. В. А. Вагнер довел выводы из принципа борьбы за существование до их логического конца *). Он рассуждает следующим образом. Обычно полагают, что самка, вынашивающая детеныша, руководится материнским инстинктом, направленным исключительно на благо потомства. Но это неправильно, говорит В. А. Вагнер. Следует,—продолжает он,– различать три, в равной степени могущественных фактора материнства. Это, во-первых, индивидуальность самки и ее интересы, прямо противоположные интересам потомства; во-вторых, индивидуальность потомства, всегда имеющего склонность использовать заботы матери как можно больше, и, в-третьих, «естественный отбор, который является суровым и нелицеприятным стражем и матери и детей в процессе борьбы их между собою, каждого за свою инди-

*) В. Вагнер. Биологические основания сравнительной психологии. СПБ. I, 1910, стр. 381 сл.

видуальность. Он определяет минимум жертв матери и максимум требований потомства».

Словом, между матерью и потомством идет борьба за существование, и материнство «представляет собою равнодействующую двух сил, двух борющихся индивидуальностей, под контролем естественного отбора».

«Закон» борьбы за существование между матерью и зародышем автор распространяет и на человека. Но здесь вступает в свои права разум .и, вы думаете, заставляет мать отказаться от борьбы за существование? О, нет! Он подсказывает ей «преступить железный закон отбора» во имя принципа борьбы за существование и избавиться от потомства путем вытравления плода и детоубийства. Воистину, pereat даже естественный отбор, но fiat борьба за существование! Для того, чтобы спасти принцип борьбы за существование, автор готов пожертвовать даже естественным отбором. Но это значит вместе с водой выплеснуть и ребенка, ибо к чему для дарвиниста вся борьба за существование, если с ней не связан отбор?

Приведем целиком заключение автора (стр. 434): «Таким образом, детоубийство, чем бы оно ни представлялось нам с точки зрения этики культурных народов, по своему существу представляет логическое следствие резкого нарушения равновесия борющихся индивидуальностей матери и потомства—в пользу первой из них. В этом смысле явление это—акт эволюции, акт победы разума над законом борьбы за жизнь, регулируемый слепою силою естественного отбора, акт, в котором, как ни парадоксальным

кажется это заключение,—человек *) впервые сказался, как властитель земли».

Ход мыслей здесь у автора, очевидно, был таков. У животных нет разума. Животные не убивают своих детей. Человек по пути эволюции пошел гораздо дальше, чем животное. У человека есть разум, и он практикует детоубийство. Ergo, детоубийство есть симптом прогресса, это «акт эволюции, акт победы разума».

Но позвольте этот способ рассуждения приложить и к другим проявлениям человеческой деятельности. Человеку свойственно не только детоубийство, он, пользуясь разумом, совершает мошенничества, подлоги, грабежи, убийства с заранее обдуманной целью, всякого рода насилия. Применяя тот же силлогизм, можно сказать, что все это не что иное, как акты «победы разума», акты, в которых человек оказался властителем земли—не меньше во всяком случае, чем в процессе детоубийства...

Детоубийство есть не что иное, как извращение материнского инстинкта, такое же, как наблюдаемое нередко у кошек, собак, свиней поедание своего потомства или пожирание рыбой только что отложенной ею икры. Обычно это бывает, когда животное перенесено в ненормальные для него условия существования. Так, на свободе самка ястреба-тетеревятника отличается большою привязанностью к своим детям. Но, будучи посажена в клетку, она иногда съедает своих птенцов. То же известно и относительно водяной землеройки, или кутора (Neomys fodiens):

*) Курсив В. А. Вагнера.

наблюдали, как в террарии старые куторы перекусывали и съедали своих детей *).

То же самое бывает и с человеком. Когда женщина оказывается в ненормальной обстановке, в силу ли свойственных ей психических дефектов, или по причине ненормальностей в условиях общественной среды, она сплошь и рядом или бросает своих детей, или с легким сердцем готова совершить в той или иной форме детоубийство. С гениальной проницательностью выразил это Лев Толстой в «Анне Карениной». Эта женщина, столь привязанная к своему сыну, попав в деревне Вронского в двусмысленное, ненормальное положение, предвосхищает целиком ход мыслей В. А. Вагнера. К ней приезжает кузина Долли, чадолюбивая, многосемейная и с радостью отдающаяся здоровому и нормальному материнскому инстинкту. И вот перед ней Анна Каренина развивает такие соображения: «Зачем же мне дан разум, если я не употреблю его на то, чтобы не производить на свет потомства? Я бы всегда чувствовала себя виноватою перед этими несчастными детьми. Если их нет, то они не несчастны по крайней мере».

Правда, В. А. Вагнер утверждает, что инстинкты животных безошибочны **): об ошибке можно говорить там, где мыслим выбор между тем или другим поступком,—говорит он,—но цель инстинктивного действия неизвестна и непонятна животному. Но мы и говорим не об ошибках, а об извращениях инстинктов. Что же касается до детоубийства у человека, то даже с точки зре-

*) С. Н. Огнев. Жизнь леса. М. 1914. стр. 75

**) Биолог. основания сравнит. психол., II, СПб. 1913, стр. 141—156.

ния В. А. Вагнера, можно говорить об ошибках инстинкта, ибо человеку совершенно ясна цель инстинкта. Далее В. А. Вагнер рассуждает так (II, стр. 143): Сплошь и рядом за ошибки инстинктов принимают ошибки органов восприятия животного. Так, мясная муха нормально откладывает своих личинок на гниющие вещества, которыми личинки питаются. Но иногда она по ошибке откладывает личинок на цветы стапелии, издающие гнилостный запах. Но это ошибка не инстинкта, а результат несовершенства органа обоняния мухи. Допустим, что это так. Тогда детоубийство у человека тоже есть следствие несовершенства органа.. но какого?—очевидно, результат отсутствия моральных норм. Однако, считать плохую этику за этап по пути прогресса—согласитесь, это уж слишком смело!

Но, можно было бы сказать, во всех вышеприведенных случаях истребления самкой своего потомства животное поступает неразумно, без понимания цели своих действий и, кроме того, сплошь и рядом бесцельно для самого животного. Известен, например, такой случай: кошка истребила первого, только что родившегося котенка из своего помета, хотела истребить и второго из того же помета, но ей его не дали, так же поступили и с третьим; котят убрали. По окончании процесса родов, кошка стала проявлять беспокойство, ища свое потомство. Когда ей их дали, она стала выкармливать с обычной для кошек нежностью тех самых котят, которых она за несколько минут до того умертвила бы *).

*) Этот случай описан в Bull. Scientifique de la France et de la Belgique за 1909 г., р. 477—480.

Стало быть, действовала она совершенно бессознательно, да и бесцельно.

Но известны случаи, когда животные истребляют свое потомство, так сказать, «целесообразно». Бывает, что шмели, как рабочие, так и самка, в случае голода уничтожают личинок своего гнезда. Чем же здесь шмель отличается от человека? Тут тоже победа «разума» над инстинктом.

Перейдем теперь к тем авторам, которые проповедывали благодетельность борьбы за существование в другой сфере, именно в области международных отношений. Здесь это направление выразилось в апофеозе войны.

Ф. Гельвальд в своей Culturgeschichte, вышедшей в 1874 г., писал: «Война... представляет собою одно из древнейших естественных явлений... В защиту ее свидетельствует вся природа; война лежит в основе характера всех организмов, да и между людьми, при всем росте нравственности, она не может ничего потерять в своей остроте. Я спешу тем более подчеркнуть это, что многие горячо восставали против нее, как будто это явление возможно когда-либо изгнать из органической природы; есть даже такие мечтатели, которые совершенно серьезно проповедуют идеал «вечного мира». Здравые культурно-исторические исследователи должны быстро рассеять подобные фантазии».

Идея о благотворности войны, как особого вида борьбы за существование, нашла себе широкое поле распространения в Германии. Так, известный дарвинист Л. Плате находил (1910) справедливым, что римская империя пала под

ударами варваров *): если культурный народ впадает в такое расслабление, что его могут вытеснить варвары, то варвары, конечно, оказываются более приспособленными, более годными. Ибо какая польза от духовного развития, если при этом физические силы дегенерируют до такой степени, что раса не в состоянии противостоять. Всякая война есть сама, в самой грубой форме, точно также борьба интеллигентности, характера, храбрости и выдержки, а вместе с тем физических достоинств. Поэтому нельзя достаточно высоко оценивать борьбу за существование и ее роль в культурном развитии человечества»

Как ничтожны кажутся нам все эти софизмы в свете разразившихся в Европе событий! Согласятся ли немцы теперь, через двенадцать лет после написания вышеприведенной цитаты, что они потерпели поражение потому, что на стороне их противников оказался перевес «интеллигентности, характера, храбрости, выдержки и физических достоинств». Этого не будут утверждать и их противники. Просто немцев оказалось меньше, чем их противников, и одна физическая сила поборола другую.

Затем, если борьба за существование столь благотворна, то почему не осуществлять ее в крайних, «военных» формах и в пределах одной и той же расы? Почему внутри расы мы не допускаем борьбы в виде убийств, насилий, уничтожения чужого имущества и т. п., а на войне считаем это позволительным? Тут не видно последовательности, логики. Раз война благо,— нужно допустить ее везде.

*) Arch. f. Rassen- und Gesellschafts-Biologie, 1910, p. 100.

Но сторонники благотворности войны забывают одно обстоятельство: для того, чтобы развивать характер, интеллигентность, храбрость и прочие достоинства, для этого есть тысячи других способов кроме истребления себе подобных. Человеку приходится вести войну прежде всего с природой, которая ничего не дает даром: ни пищи, ни крова, ни одежды. Борьба с природой и есть тот оселок, на котором должны заостряться способности человека. Нет никакой надобности упражнять свою храбрость посредством убийства людей и совершенствовать свой интеллект, изобретая все новые и новые средства разрушения. Есть для этого и другие способы. Во время гибели «Титаника» некоторые из пассажиров вели борьбу за существование, давя и убивая женщин и детей, чтобы протолкаться к лодке, а, с другой стороны, один англичанин, увидя, что попал в лодку, сверх меры переполненную женщинами и детьми, добровольно бросился в воду, чтобы уступить свое место другим. Кто же более храбр?—те ли, которые убивали других, или тот, кто убил себя? Есть, стало быть, возможность воспитывать характер и другими способами, помимо войны.

Война вовсе не есть борьба за существование: она не только не ведет к переживанию наиболее приспособленных, как следует из Дарвинова определения, но и не служит к сохранению нормы, чего требует наше определение. Напротив того, она есть систематическое истребление всего лучшего и нормального и переживание наихудшего, т. е. того, что в нормальных условиях было бы наименее приспособленным. Война с ее последствиями, алко-

голизм и сифилис—вот лучшие способы для того, чтобы наиболее быстрым образом осуществить физическое и моральное вырождение человечества. Даже, если бы борьба за существование и вела к прогрессу, то война ни в коем случае не может вести к нему, ибо она есть организованное истребление нормальных и лучших элементов (в моральном и физическом смысле) и размножение негодных. Таков наш ответ на поставленный выше вопрос (стр. 9).

Война—это безумие, психическая эпидемия, мания убийства, заражающая сразу миллионы людей. И только с этой точки зрения ее и нужно рассматривать. Она ведет к гибели и победителя и побежденного. Нынешнее поражение Германии есть прямое следствие ее победы над Францией в 1871 г. Теперешняя победа французов есть лишь этап к гибели этой прекрасной нации. Между тем, логика, казалось бы, должна говорить, что этим двум культурным нациям не из-за чего воевать, и что они могли бы жить, развиваться и процветать рядом, не мешая друг другу.

После этого позволим себе процитировать одно место из нашумевшей перед войной книги германского генерала Бернгарди: «Германия и будущая война». Здесь мы читаем следующее:

«Война есть биологическая необходимость громадного значения. Она регулятивный элемент в жизни человечества, без которого нельзя обойтись, ибо без нее развитие пойдет по нездоровому пути, исключающему всякий прогресс расы, всякую культуру. «Война есть отец всех вещей». Мудрецы древности признали это задолго до Дарвина. «Борьба есть всеобщий закон природы». Поэтому «попытки, направленные к искоренению

войны, должны быть названы не только глупыми, но и абсолютно безнравственными; их нужно заклеймить, как недостойные человеческой расы. Вся эта идея нарушить естественные законы развития может повести лишь к самым пагубным последствиям для всего человечества».

Вся эта тирада есть сплошное пустословие. Уже десятки раз указывалось, что на войне гибнут как раз те, кто снабжены теми доблестями, которые будто бы производятся войной: храбрые, самоотверженные, сильные, здоровые истребляются в первую голову, а трусы, малодушные, слабые и больные выживают и размножаются. Война есть пародия на разумное жизненное состязание, какое наблюдается во всей природе всегда, а в мирное время и среди человечества.

Впрочем, еще задолго до распространения дарвинизма те же идеи о благотворности войны проповедывал Гегель в своей Rechtsphilosophie. «Война», говорит он: «имеет высокое значение, ибо она поддерживает нравственное здоровье народов, подобно тому как ветер оберегает море от гниения, в какое оно могло бы впасть от постоянного спокойствия, подобно народам — от длительного или даже вечного мира». Таких же взглядов держался и Фихте.

Из наших великих писателей эта духовная зараза коснулась, насколько я знаю, одного Достоевского. Вот, что он говорил в своем «Дневнике Писателя», в 1876 и 1877 гг., перед русско-турецкой войной и во время ее: «Человечество любит войну... Долгий мир ожесточает людей, производит разврат». Война очищает зараженный воздух, лечит душу, прогоняет позорную тру-

сость и лень». Без войны провалился бы мир или, по крайней мере, обратился бы в какую-то слизь, в какую-то подлую слякоть, зараженную гнилыми ранами». «Война необходима. . Христианство само признает факт войны и пророчествует, что меч не пройдет до кончины мира... Война развивает братолюбие и соединяет народы».

Как война «соединяет народы», это мы видим на примере последней войны, в результате которой распались Россия, Австро-Венгрия и Турция. Видим также, как война очищает воздух.

Чтобы не быть несправедливыми, приведем, наконец, выдержку из соображений одного французского писателя. Незадолго перед войной он выпустил, под псевдонимом Agathon, книгу Les jeuns gens d'aujourd'hui, весьма нашумевшую в свое время. Здесь, между прочим, говорится следующее: «Война, по мнению современной молодежи, побуждает к проявлению самых благородных добродетелей, которые она ставит выше всего: к энергии, к самопожертвованию ради высшей цели».

Кажется, теперь, в 1922 г. человечеству уже ясно, что война пробуждает самые отвратительные инстинкты человека—страсть к убийству, грабежу, разорению, но не может произвести ничего хорошего, если не считать за таковое обогащение некоторого количества проходимцев и спекулянтов. Она внедряет человечеству мысль, что можно чего-либо добиться не разумной борьбой с препятствиями, не трудом, не разумом, а уничтожением себе подобных и их достояния. «С войной», говорит К. А. Тимирязев, «водворяется царство лжи, лжи вынужденной и добро-

хотной, лжи купленной и даровой, лжи обманывающих и обманутых».

Не могу в заключение не привести цитаты из Свифтовых Путешествий Гулливера, именно из путешествия к лошадям (гл. V).

Хозяин Гулливера спросил путешественника: «Что служит причиной или поводом для объявления войн между государствами?» Тот отвечал, что таких причин существует бесчисленное множество, и ограничился указанием только немногих, наиболее важных. «Иногда поводом к войне является честолюбие монарха, который вообразит, что под его властью находится слишком мало народов или земель. Иногда война вызывается развращенными министрами, которые убеждают правителя начать ее, с целью заглушить или отвлечь народное недовольство, являющееся следствием их дурного управления. Различие и несогласие мнений также погубили много миллионов жизней; так, например, войнами разрешались следующие спорные вопросы: чем считать свист — грехом или добродетелью? Какого цвета: черного, белого, красного или серого должна быть верхняя одежда? Иногда поводом для раздора между двумя правителями является решение вопроса, кто из них должен лишить третьего его собственных владений, несмотря на то, что ни первый, ни второй не имеют на них никакого права. Иногда один властитель объявляет войну другому просто из страха, чтобы последний не начал с ним войну; иногда объявляют войну только потому, что считают соседа слишком сильным врагом, а иногда, наоборот, потому, что видят его слабость... Если властитель посылает свои войска в страну, населенную бедным и невеже-

ственным народом, то он имеет законное право истребить половину всего населения, обратив остальных в рабство, с целью цивилизовать их и вывести из дикого состояния... Служба солдата считается одною из самых почетных профессий, так как солдат есть тот йэху (yahoo), который нанимается спокойно убивать возможно большее число подобных себе существ, не причинивших ему ни малейшего зла».

II

ВЗАИМНАЯ ПОМОЩЬ

Зло нужно выкинуть, выбросить за борт, через него нужно перешагнуть и принять участие в образовании такого мира, который забудет о самом его имени и месте.

В. Джемс. Прагматизм. П. 1910, пер. с англ., с. 182

В предыдущей главе мы показали, что война вовсе не есть борьба за существование—ни в том смысле, какой этому последнему термину придает Дарвин, ни в том смысле, какой в него вкладываем мы.

Но если бы даже война и была борьбой за существование (чего на самом деле нет), то и в таком случае никак нельзя было бы признать эту форму взаимоотношений за единственно нормальную и обязательную для человечества.

Те взаимодействия, в какие вступают между собой особи, одного ли вида или разных, далеко не исчерпываются борьбой и войной. Взаимоотношения эти чрезвычайно разнообразны и дают начало различным биологическим организациям.

Еще старик Эмпедокл, родоначальник учения о случайности целесообразных признаков, учил, что в мире господствуют две силы: Вражда и Любовь, которые борются между собой. Наш знаменитый ихтиолог, незабвенный Карл Федо-

рович Кесслер, бывший ректор петербургского университета, возобновил ту же идею в другой форме: в своей речи, произнесенной им незадолго до смерти, в самом конце 1879 г., на съезде русских естествоиспытателей, он указал, что наряду с принципом борьбы за существование имеет значение и другой принцип, который он назвал **законом взаимной помощи** *). По взгляду Кесслера, как в человечестве, так и в животном мире, прогрессу способствует не столько взаимная борьба, сколько взаимная помощь. Я сказал бы даже, что человек и вообще организмы прогрессируют не благодаря войне и борьбе, а вопреки им, наперекор им.

Как указал Кесслер, в органическом мире прогрессу сопутствует не только взаимная помощь, но и любовь, т. е. акт односторонний, совершенно альтруистический, не связанный с ожиданием каких-либо выгод. В самом деле, что такое родительские чувства, как не любовь, доведенная до апогея, любовь, до такой степени вкоренившаяся в природу организма, что она превратилась в инстинкт? Разве не те организмы называются высшими, в которых заботы о потомстве достигают высшего развития? Вспомним, что у млекопитающих, высшей ступени в лестнице животного мира, мать кормит своего детеныша своей кровью до рождения и своим молоком после? Разве в самом названии этих животных—млекопитающие—не обозначено, что мы их считаем высшими не за их гладиаторские способности, а за высшее осуществление ими

---

*) К. Кесслер. О законе взаимной помощи. Труды СПБ. Общ. Ест., XI, 1880.

принципа любви? Разве—повторим слова Дарвина—не есть «высший результат, который ум в состоянии себе вообразить», та настойчивость, с которой природа стремится к воплощению идеала любви: начиная от рыб, которые, выметав икру, по большей части не заботятся о ней, и кончая высшими млекопитающими, где самка иногда почти год вынашивает в своем чреве зародыша?

Дарвин многократно указывает на то, что способность животных к размножению (в геометрической прогрессии—как говорит он) с неуклонностью ведет за собою борьбу между ними за существование. Но то же стремление к размножению дает у животных начало социальным инстинктам: семье и взаимопомощи.

Начиная от простейших и кончая высшими формами животных, мы наблюдаем временное схождение двух особей с целью размножения. С появлением потомства, у многих животных начинаются заботы о детенышах. Обычно это принимает на себя самка, но иногда самец, например, у рыбы колюшки, у морской иглы, у сома Arius, у гигантской японской саламандры (Cryptobranchus japonicus), у замечательной птицы трехперстки (Turnix) и др. Иногда родительский инстинкт обнаруживается у обоих полов. В этом инстинкте, принадлежащем к числу сильнейших и нередко заставляющем животное жертвовать своею жизнью для блага потомства, коренятся зародыши общественности, взаимопомощи и альтруизма.

В животном царстве можно наблюдать не только самоотверженную любовь к своему потомству, но и другие приемы своеобразного ин-

стинктивного альтруизма. Пчела осмия (Osmia tridentata) откладывает, по наблюдениям Фабра, яйца в стеблях ежевики. Для этого она выгрызает в вертикальном стебле длинный и узкий канал толщиной с карандаш. Затем, в нижний, слепой конец канала осмия откладывает яйцо и закупоривает его перегородкой из оскребков сердцевины ежевики, скрепленных растительным клеем; таким путем получается ячейка длиной сантиметра в полтора. Точно таким же образом пчела приготовляет ряд других ячеек, числом до 15, одну за другой, в канале. Вылупившиеся осмии все должны выходить через одно верхнее отверстие, заткнутое пробкой из сердцевины, склеенной слюною,—препятствие, которое молодая осмия легко преодолевает своими челюстями. Осмии вылупляются из коконов без всякого порядка, иногда раньше вылупляются нижние, иногда верхние, иногда средние; помимо этого, самцы вылетают почти на неделю ранее самок. Чтобы выйти из гнезда, осмии надо прогрызть перегородку своей ячейки. Первая от выходного отверстия пчела делает это без труда; но прочим нужно или ждать, когда все верхние соседи вылетят, или прогрызть себе путь через верхние ячейки, для чего уничтожать еще не вылупившихся личинок. И вот, осмия никогда не разгрызет сестриного кокона, а, убедившись, что соседняя ячейка еще занята, возвращается в свою и ждет день, два, три и больше, пока соседка не вылупится и не улетит. «Как бы осмия ни спешила выйти», говорит Фабр, «она не тронет соседний кокон челюстями: это вещь священная. Она разломает перегородку, с остервенением станет грызть стенку, даже, если там осталась одна древесина, она обратит вокруг себя

все в прах; но тронуть стесняющий ее кокон она никогда себе не позволит» *). Сплошь и рядом случается, что осмия умирает, не дерзая уничтожить соседний кокон. Но если последний заключает мертвую личинку, то осмия, нисколько не стесняясь, разгрызает его, подобно всякому другому препятствию на ее пути. Мало того, Фабр проделывал такой опыт: он клал в соседнюю ячейку, рядом с осмией, кокон осы Solenius vagus, вылупляющейся позже осмии. И вот, появившиеся на свет осмии сейчас же уничтожают живые коконы соседей. Как и у человека, альтруизм распространяется только на собственный вид.

Как известно, самка удивительной птицы, носорога, перед кладкой забирается в дупло дерева, где самец и замуровывает ее, оставив небольшое отверстие. Через это отверстие самец кормит самку и птенца. Один, заслуживающий доверия, наблюдатель видел на Борнео, как такую самку кормили не менее пяти других носорогов, среди коих были как самцы, так и самки. Очевидно, эти птицы уже вывели своих птенцов и теперь инстинктивно перенесли свои заботы на чужих. Другой натуралист подтверждает эти наблюдения: когда самец носорога был застрелен, на другой день у гнезда оказалось несколько птиц-носорогов; одни из них кормили самку через отверстие, другие летали кругом и беспрестанно подсаживались к гнезду **).

Как это ни кажется парадоксальным на первый взгляд, даже у растений можно говорить о

*) Фабр. Инстинкт и нравы насекомых. Пер. под ред. Ив. Шевырева. СПБ. 1898, изд. Маркса, стр. 366.

**) Факты эти заимствованы нами у такого авторитетного орнитолога, как R. Sharp из Британского Музея.

своего рода «альтруизме». Некоторые насекомые, например, орехотворки (Cynipidae), из перепончатокрылых, вызывают на листьях растений особого рода разрастания (опухоли), так называемые орешки, или галлы, в которые откладывают яйца. И вот растение, вместо того, чтобы защищаться от паразита, вырабатывает специальные приспособления и органы для того, чтобы облегчить насекомому развитие и вылет из галла, хотя трудно себе представить, какую пользу все это могло бы принести для растения-хозяина. Так, например, внутренность галла иногда выстилается сочными волосками, доставляющими питание развивающемуся насекомому; у некоторых галлов в стенке образуется отверстие, которое облегчает насекомому выход из галла и т. п. Иногда любезность хозяина простирается до того, что он посылает в галл ответвления сосудов, как делает будра (Glechoma hederacea) для одной орехотворки (Aulax). Некоторые растения вырабатывают особые приспособления для рассеяния спор паразита-грибка; так поступает одно гречишное на Яве со спорами паразитирующей на нем головни.

Помимо биологических организаций типа семьи, в пределах одного и того же вида животных можно различить, вместе с В. А. Вагнером *), еще типы: 1) временных соединений и 2) сообществ. Ко второму типу, который отличается постоянством своей общественной организации, относятся, например, сообщества пчел, муравьев, термитов. Здесь явление взаимопомощи выступает совершенно ясно.

*) «Природа», 1912, стр. 62.

Временные соединения особей, или агрегации, образуются в связи с инстинктами питания, размножения и самосохранения. По выполнении той цели, для которой животные собрались воедино, они расходятся, и агрегация, в отличие от сообщества, распадается. Примером таких временных соединений могут служить стаи птиц, собирающихся для перелета, громадные косяки лососевых (лосось, кета, горбуша и др.), осетровых, миног, воблы, сельдей и других рыб, входящих из моря в реки для икрометания, а также разные другие временные соединения. Тут нередко также наблюдается взаимная помощь.

Некоторые птицы вьют гнезда сообща. Так делают, например, австралийские и индийские ласточки Petrochelidon, а также африканские черные ткачи (Textor) и так называемые общежительные ткачи (Philæterus). Если гнездо черного ткача повредить, то за исправление принимается вся колония.

Общеизвестно, как успешно колонии дроздов-рябинников защищают свои гнездовья от нападения ястребов, перепелятника или даже более крупного тетеревятника, и именно благодаря своей общественности и связанной с ней взаимопомощи. Дрозды не только пассивно защищаются от хищников, но и активно, стаями гонят его.

П. П. Сушкин так описывает повадки куликов-камнешарок (Strepsilas interpres) на озерах Киргизской степи: «спустившись на берег, птички быстро разбегаются одна от другой, аршина на два, словно горсть гороха, брошенная на пол, и тотчас, торопливо принимаются за работу. Прежде всего птички переворачивают мягкие куски корки,

покрывающей берег, затем каждая принимается долбить корку около себя, отделяет новые куски, переворачивает и торопливо подбирает насекомых. Легкая часть работы быстро закончена, и тут начинается самое интересное. Более толстые участки коры и более крупные куски начинают долбить две-три птички сразу; иногда за такую крупную работу берется одна каменщарка, но через несколько мгновений, видя, что работа не по силам, коротким и тихим свистом сзывает соседей, и сейчас же одна-две птички являются на помощь, и начинается общая работа. Наконец, кусок отделен; тем же тихим отрывистым свистом работники перекликаются, иногда на этот зов подбегут соседние, и начинается переворачивание отделенного куска. Приподнявши корку клювами, птички то подсовывают под нее головку, то подпирают кистевым сгибом крыла, то налегают грудью—и, наконец, корка перевернута. С каким то особенным свистом, более звонким, чем призыв на помощь, птички торопливо подбирают всякую живность и с испода корки, и с того места, где корка лежала, и снова разбегаются, чтобы снова приняться за работу. Трудно даже представить себе, не видев, какие обширные работы может производить стайка наших птичек; иногда берег на несколько саженей в длину и аршина на два в ширину сплошь носит следы такой работы *)».

Роль взаимопомощи в животном мире прекрасно выяснил П. А. Кропоткин в своей увлекательной книге «Взаимная помощь, как фактор эволюции» (1890).

---

*) Птицы Средней Киргизской степи. М. 1908, стр. 157.

Некоторые, например, Плате, ставят в вину Кропоткину то, что он пользовался непроверенными источниками. Конечно, для хорошей идеи, как сказал кто-то, ничего не может быть хуже плохих доказательств. Но это обстоятельство не в состоянии поколебать истинность самой идеи. В пользу взаимопомощи, практикуемой животными, можно привести сотни и тысячи хорошо проверенных фактов.

Опровергая значение естественного отбора в качестве фактора эволюции, Кропоткин, между прочим, указывает на следующее. Наличное количество животных, обитающих на данном участке, определяется не высшей продовольственной производительностью этого пространства, а тем, что оно может дать в самое неблагоприятное время года. Это одно обстоятельство сильно сокращает интенсивность борьбы за пищу, так как на площади данного участка может жить, очевидно, сообща лишь столько животных, сколько в состоянии прокормиться в самое тяжелое время, и, стало быть, в сезоны изобилия пищи хватит всем.

Далее, когда животным приходится испытывать длительную голодовку, то «в с я та часть данного вида, которую постигло это несчастье, выходит из выдержанного ею испытания с таким сильным ущербом энергии и здоровья, что н и к а к а я прогрессивная эволюция видов не может быть основана на подобных периодах острого соревнования». В качестве примера Кропоткин указывает на лошадей, которые всю зиму проводят на подножном корму в степях Забайкалья. В конце зимы они очень истощены, особенно, если весной бывает гололедица или бураны. Мно-

жество скотины падает, а все оставшиеся в живых настолько ослаблены, что дают плохой приплод. Между тем пищи имеется в изобилии, ее хватило бы на много бо́льшее количество скота, но зимою трудно доставать траву из-под снега, и «эта трудность одинакова для всех лошадей». В таком же положении и многие дикие травоядные степей и пустынь Азии. «А потому», говорит Кропоткин: «мы с уверенностью можем утверждать, что если они не размножаются до степени перенаселения, то причина этого лежит в каких-то других факторах, а не во взаимной борьбе из-за пищи».

Те, кто переживет голод или заболевание холерой, оспой, тифом или чумой, вовсе не оказываются ни наиболее сильными, ни наиболее здоровыми, ни наиболее разумными, справедливо полагает Кропоткин. К этому прибавим, что пережившие голод или заразные болезни вовсе не передают своему потомству иммунитета к перенесенным тягостям и заболеваниям. А даже напротив, передают ослабленную конституцию. Те же, кто обладают иммунитетом, например, против оспы, передадут ее, при благоприятных условиях скрещивания, своему потомству; в данном случае, стало быть, безразлично, болел ли индивид оспой или нет, т. е. подвергался процедуре борьбы за существование или нет.

Весьма красноречиво Кропоткин говорит: «Избегайте состязания! оно всегда вредно для вида, и у вас имеется множество средств избежать его!» Такова **тенденция** природы, не всегда ею осуществляемая, но всегда ей присущая. Таков лозунг, доносящийся до нас из кустарников, лесов, рек, океанов. «А потому объ-

единяйтесь! практикуйте взаимную помощь! Она представляет самое верное средство для обеспечения наибольшей безопасности, как для каждого в отдельности, так и для всех вместе; она является лучшей гарантией существования и прогресса физического, умственного и нравственного. Вот чему нас учит Природа; и этому голосу Природы вняли все те животные, которые достигли наивысшего положения в своих соответственных классах. Этому же велению Природы подчинился и человек—самый первобытный человек—и лишь вследствие этого он достиг того положения, которое мы занимаем теперь.

Вопреки мнению Кропоткина, мы не можем признать взаимную помощь за фактор эволюции форм в мире животных, как не признаем и борьбу за существование таковым фактором. Эволюция организмов идет по строго определенным законам, вне зависимости от взаимопомощи и борьбы за существование. Но и борьба и взаимопомощь есть факты, которые оказывают громадное влияние на органический мир и с которыми должен считаться естествоиспытатель.

В отношении прогресса морального соображения Кесслера и Кропоткина сохраняют полную силу.

Великий Дарвин, со свойственной ему проницательностью, в «Происхождении человека», признал значение общественности, но он недооценил роль этого деятеля, выдвинув на первый план естественный отбор. «Всякое общественное животное», говорит он (гл. IV, стр. 75), «должно приобрести нравственное чувство и совесть, раз его умственные способности достигнут прибли-

зительно той высоты, что у человека; ибо общественные инстинкты побуждают животное находить удовольствие в общении друг с другом и оказывать взаимную помощь». Дарвин приводит ряд несомненных примеров взаимопомощи: волки охотятся сообща, пеликаны общими силами ловят рыбу, бизоны во время опасности помещают коров и телят в середину, а сами для защиты становятся вокруг (стр. 78). «Те особи, которые находили наибольшее удовольствие в обществе своих, всего легче избегали различных опасностей, тогда как те, которые мало заботились о своих товарищах и держались в одиночку, погибали в большем числе» (стр. 81). У людей «те общества, которые имели наибольшее число сочувствующих друг другу членов, должны были процветать больше и оставлять после себя более многочисленное потомство» (стр. 83).

Повторяем еще раз. Мы не отрицаем борьбы за существование, и нужно быть слепым, чтобы не видеть ее. Мы утверждаем лишь, что, во-первых, борьба не может вести к прогрессу организации, и, во-вторых, внутри-видовая борьба весьма сильно смягчается взаимной помощью. Те организмы, у которых место внутри-видового состязания заняла взаимопомощь, оказываются более приспособленными к борьбе за существование. Наконец, распространять область применения борьбы за существование на сферу моральных взаимоотношений нет никаких оснований.

СОДЕРЖАНИЕ

ли хорошо. Е. ПАВЛ

231/IX

ом
ия
от
груп
удові
еспу
00 че
и ра
жовщи
ужно в
ые объ
П.

Центральн
й Коммунист
твенный редак
Л. С. СОСН

жейка, Ваганьковский пер., д. 3. Р. В. Ц. (Москва).

